

Никогда Никогда. Часть 2

Автор:

[Колин Гувер](#)

Никогда Никогда. Часть 2

Колин Гувер

Таррин Фишер

Даже забыв себя, даже забыв друг друга, Чарли и Сайлас по-прежнему продолжают искать правду. Они все еще не помнят свои прошлые жизни, но разве это может разрушить настоящую любовь? Разрозненные куски правды постепенно складываются в пугающий пазл, вот-вот произойдет что-то необратимое. Любимая в беде, и Сайлас единственный, кто может защитить ее и помочь снова стать собой. Он должен справиться, не имеет права сдаться.

Колин Гувер

Никогда Никогда. Часть 2

Colleen Hoover

NEVER NEVER II

© Харченко А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Никогда не забывай, что я подарил тебе твой первый поцелуй. Никогда не забывай, что я подарю тебе и последний.

И никогда не переставай любить меня.

Никогда не останавливайся, Чарли.

Никогда не забывай.

Сайлас бежит наперегонки со временем, а клубки тайн все распутываются и запутываются. Теперь, когда ставки на победу слишком высоки, наш главный герой начинает терять самообладание, а другие – замечать его странности. Чарли в беде, и именно ему суждено преодолеть пропасть, разделяющую их прошлое и настоящее. Где-то между «Я люблю тебя» и «Никогда-никогда» кроется истина, которая так и требует, чтобы ее нашли.

Где ты, Чарли?

Книга посвящается всем, кто любит счастливые концовки и кто простил меня за конец первой части. Во всем виновата Таррин.

Колин Гувер

Книга посвящается всем, кто считает хеппи-энды и диетическую коллу глупыми.

Таррин Фишер

1. Сайлас

Начинается дождь.

С разных сторон доносится глухой стук капель. Сначала они падают на лобовое стекло, затем на боковые окна. Будто сотни пальцев дружно барабанят по моей машине. Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук. Меня окружают звуки.

Впечатление, словно они доносятся изнутри меня и пытаются вырваться на свободу. Капли врезаются в окна и стекаются в ручейки, напоминающие дорожки слез. Они бегут вниз и исчезают за границами стекол. Я пытаюсь включить дворники, но обнаруживаю, что двигатель не работает.

Почему у меня выключен двигатель?

Вытираю запотевшее стекло ладонью и выглядываю наружу, но там такой ливень, что ничего не разобрать.

Где я?

Поворачиваюсь к заднему сиденью – никого. И ничего. Снова сажусь ровно.

Думай, думай, думай.

Куда я ехал? Наверное, задремал в дороге.

Я не знаю, где я.

Я не знаю, где «я».

Я... я... я...

Кто я?

Для человека характерно разговаривать с самим собой и использовать слово «я». Но все мои мысли пусты и невесомы, потому что некого нарекать этим «я». Ни лица, ни имени. Я – никто.

Мое внимание привлекает рев двигателя медленно останавливающейся машины. Лобовое стекло залито водой. Авто паркуется передо мной, светя задними фарами.

Фонарь заднего хода.

Сердце выпрыгивает из груди, пульсируя в горле, в кончиках пальцев, в висках. Мигалки наверху машины оживают: красный, синий, красный, синий. Кто-то выходит, я различаю лишь силуэт, приближающийся к моему автомобилю. Лениво поворачиваю шею и наблюдаю, как мужчина останавливается у пассажирской двери и стучит в окно.

Тук.

Тук, тук, тук.

Включаю зажигание и опускаю окно – откуда я знаю, как это делается?

Полицейский.

«Помогите, я забыл, куда ехал», – хочется мне сказать.

– Сайлас?

Его громкий голос пугает. Он пытается перекричать шум дождя, произнося слово «сайлас».

Что бы оно могло значить? Сайлас. Это по-французски? Наверное, я во Франции и это местное приветствие. Надо сказать «сайлас» в ответ.

Мужчина прочищает горло.

– У тебя машина сломалась?

Он явно не француз.

Смотрю на приборную панель. Приоткрываю рот, чтобы выдать слово. Вместо этого судорожно втягиваю воздух, внезапно осознав, что задержал дыхание. Когда я выдыхаю, выходит прерывисто... и трусливо. Оглядываюсь на полицейского у окна.

- Нет, - мой голос пугает меня. Я его не узнаю.

Мужчина наклоняется и указывает мне на колени.

- Что у тебя там? Ты куда-то направлялся и потерялся?

Я опускаю взгляд на незнакомую кучку бумаг. Спихиваю их на пассажирское сиденье, желая избавиться от них, и снова качаю головой.

- Я, э-э... Я просто...

Тут меня прерывает громкий звонок. Я прислушиваюсь, сметая бумаги с сиденья, и обнаруживаю под ними телефон. На экране высвечивается имя «Джанет».

Не знаю никакой Джанет!

- Тебе нужно съехать с тротуара, сынок, - говорит полицейский, делая шаг назад. Я нажимаю на боковую кнопку на телефоне, чтобы тот умолк. - Возвращайся в школу. Сегодня важная игра!

Важная игра. Школа. Почему я понятия не имею, о чем он говорит?

Киваю.

- Дождь должен скоро закончиться, - добавляет он и стучает по крыше машины, давая мне отмашку ехать. Я снова киваю и тянусь к кнопке, закрывающей окна. - Передай отцу, чтобы занял мне место.

И снова киваю. Отцу.

Полицейский смотрит на меня еще пару секунд, его лицо выражает недоумение. Наконец он качает головой и возвращается к своему автомобилю.

Я опускаю взгляд на телефон. Только собираюсь нажать на кнопку, как он снова начинает трезвонить.

«Джанет».

Кем бы она ни была, ей явно хочется моего внимания. Провожу пальцем по экрану и подношу его к уху.

– Алло?

– Ты нашел ее? – голос мне незнаком. Выжидаю секунду, прежде чем ответить, надеясь, что на меня снизойдет озарение. – Сайлас? Алло?

То же слово, что произнес полицейский. «Сайлас». Только она произнесла его как имя.

Мое ли?

– Что? – спрашиваю я, ничего не понимая.

– Ты нашел ее? – В тоне девушки слышится паника.

Нашел? Кого я должен искать? Поворачиваюсь и еще раз проверяю заднее сиденье, хоть и помню, что там пусто. Сажусь прямо, не зная, что ответить.

– Я... а ты ее нашла?

Джанет недовольно стонет.

– С чего бы я тогда тебе звонила?

Я отвожу телефон и смотрю на него. Ничего не ясно! Снова прижимаю к уху.

– Нет, я не нашел ее.

Может, эта девочка – моя младшая сестра? Голос у нее детский. Она явно младше меня. Что, если она потеряла собаку, и я поехал ее искать? Возможно, я забуксовал под дождем и ударился головой.

– Сайлас, это на нее не похоже, – говорит Джанет. – Она бы предупредила, если бы не собиралась ночевать дома или появляться в школе.

Ясно, мы говорим не о собаке. И тот факт, что мы, похоже, обсуждаем человека, который пропал, вызывает у меня дискомфорт. Я даже не знаю, кто я такой! Нужно закончить беседу, пока не ляпнул чего лишнего. Чего-то дискредитирующего.

– Джанет, я должен идти. Буду искать ее. – Нажимаю «отбой» и кладу телефон на соседнее сиденье. Взгляд цепляется за бумаги. Беру их в руки. Они скреплены вместе. Переворачиваю первую страницу. Это письмо, адресованное мне и какому-то Чарли.

Чарли и Сайлас.

Если вы не знаете, почему это читаете, значит, вы все забыли.

Какого черта? Не такого я ожидал от первого предложения. Хотя, по сути, я ничего не ждал.

Вы никого не узнаете, даже себя. Пожалуйста, не паникуйте и внимательно прочтите это письмо.

Немного поздно для «не паникуйте».

Мы не уверены, что произошло, но боимся, что это случится вновь, если все не записать. По крайней мере, если мы оставим записки на видных местах, то будем подготовлены, когда это снова произойдет. На следующих страницах вы найдете всю информацию, что нам известна. Вдруг она вам как-то поможет.

Чарли и Сайлас.

Я не сразу переворачиваю страницу. Роняю бумаги на колени и тру лицо. Смотрю в зеркало заднего вида и тут же отворачиваюсь, не узнав глаза, смотрящие на меня в ответ.

Это невозможно.

Закрываю глаза и зажимаю переносицу. Жду, пока очнусь – это сон, и я должен проснуться.

Мимо проезжает машина, забрызгивая стекло водой. Я наблюдаю, как влага стекает вниз и исчезает под капотом.

Нет, это не может быть сном. Все слишком реалистично. Обычно сны прерываются и не идут по порядку.

Снова беру бумаги, с каждым предложением читать становится все труднее. Руки дрожат. Мысли разбегаются. Я узнаю, что меня действительно зовут Сайлас, а Чарли на самом деле девушка. Интересно, это она пропала? Я продолжаю, хоть и не могу поверить в то, что читаю. Не знаю почему: все здесь написанное, совпадает с тем фактом, что у меня нет никаких воспоминаний. Дело в том, что если я в это поверю, то должен буду признать возможность происходящего. Судя по этим записям, я теряю память четвертый раз подряд.

Я судорожно дышу под хаотичный стук дождя по крыше. Поднимаю левую руку к затылку и сжимаю шею, читая последний абзац. Который, по-видимому, я написал десять минут назад.

Вчера Чарли села в такси на Бурбон-стрит, с тех пор ее никто не видел. Она не знает о письме. Найди ее. Первым же делом. Пожалуйста.

Последние слова написаны коряво, едва читабельно, словно у меня заканчивалось время. Я откладываю письмо, обдумывая все, что только что узнал. Информация поступает быстрее, чем бьется мое сердце. Хватаюсь за руль и вдыхаю через нос. Что-то мне подсказывает, что это должно возыметь успокаивающий эффект. Поначалу данный способ не срабатывает, но я продолжаю сидеть так пару минут, переваривая новые факты. «Бурбон-стрит, Чарли, брат, Креветка, чтение по картам таро, татуировки, моя страсть к

фотографии». Почему ничего из этого не кажется знакомым? Это какая-то шутка. Наверное, речь идет о ком-то другом. Я не могу быть Сайласом. Иначе я бы чувствовал себя им. Человек, которым я должен быть, не может казаться мне полным незнакомцем.

Я снова беру телефон и открываю приложение с камерой. Наклоняюсь вперед и тянусь рукой за спину, чтобы снять футболку. Подношу камеру к затылку и фотографирую спину, затем одеваюсь и смотрю на экран.

Жемчужины.

На моей спине набито жемчужное ожерелье, как и сказано в письме.

- Черт, - шепчу я, глядя на картинку.

Живот крутит. Кажется, меня сейчас...

В последнюю секунду я успеваю открыть дверь. Содержимое моего желудка теперь заливает асфальт у ног. Пока я жду, когда пройдет тошнота, одежда намокает под ливнем. Придя к выводу, что худшее уже позади, сажусь обратно в машину.

Смотрю на часы: 11:11

Я все еще не знаю, чему верить, но чем дольше я пребываю в беспомощности, тем больше задумываюсь над мыслью, что примерно через сорок семь часов это может повториться вновь.

Тянусь к бардачку. Понятия не имею, что ищу, но сидеть без дела кажется пустой тратой времени. Достая содержимое, откидывая документы на автомобиль и страховку. Нахожу конверт с нашими именами. Копия всего, что я только что прочитал. Продолжаю переворачивать страницы, пока не нахожу сложенный лист бумаги, спрятанный на дне бардачка. Сверху написано мое имя. Я распрямляю его, сразу опуская взгляд к подписи внизу. Это письмо от Чарли. Поднимаюсь к началу и читаю:

Дорогой Сайлас!

Это не любовное послание, ясно? Как бы ты ни пытался убедить себя в обратном... это не оно. Я не такая. Ненавижу девчонок, которые теряют голову от любви – они отвратительны. Фу!

В общем, это антилюбовное послание. К примеру, мне не нравится то, что ты принес мне апельсиновый сок и лекарства на прошлой неделе, когда я болела. А твоя записка? Надеешься, что мне станет лучше, и любишь меня? Пф-ф.

И я определенно не люблю, когда ты притворяешься, будто умеешь танцевать, хотя на самом деле выглядишь как робот, которого закоротило. Это отнюдь не мило и вовсе не вызывает у меня смех.

О, а когда ты прерываешь наш поцелуй, чтобы сказать, что я красивая? Мне это совсем не нравится. Почему ты не можешь быть нормальным парнем, игнорирующим свою девушку? Почему я должна это терпеть? Несправедливо!

Кстати говоря, ты все делаешь неправильно! Помнишь, как я потянула спину во время тренировки? И ты пропустил вечеринку Дэвида, чтобы намазать меня мазью и посмотреть со мной «Красотку»? Это явный признак того, что ты жуткий эгоист. Не стыдно тебе, Сайлас?!

Еще я больше не намерена терпеть то, что ты болтаешь обо мне нашим друзьям. Когда Эбби рассмеялась над моим нарядом, ты сказал, что я могу прийти хоть в мешке и выглядеть бесподобно – это было уж слишком. А еще хуже стало, когда ты отвез Джанет к окулисту, потому что у нее постоянно болела голова. Возьми себя в руки! Вся эта забота и внимание совсем неуместны.

Итак, я хочу сказать, что не люблю тебя больше, чем любого другого человека на планете. И что когда ты заходишь в комнату, я чувствую отнюдь не бабочек в животе, а тошнотворных, однокрылых, пьяных молей. А еще ты очень-очень непривлекательный. Меня передергивает всякий раз, как я вижу твою безупречную кожу и думаю: «Господи, этот парень был бы куда симпатичнее с парочкой прыщей и кривыми зубами». Да, ты мерзок, Сайлас.

Не люблю тебя.

Совсем.

Никогда-никогда.

Чарли.

Я смотрю на ее подпись и еще пару раз перечитываю последние слова:

Не люблю тебя.

Совсем.

Никогда-никогда.

Чарли.

Затем переворачиваю записку, надеясь найти дату. Ничто не выдает, когда она была написана. Если эта девушка писала мне такие письма, то как все, что я прочел в записях о нынешнем положении наших отношений, может быть правдой? Я определенно влюблен в нее. По крайней мере, был.

Что с нами случилось?

Что с ней случилось?

Складываю письмо и возвращаю его на место. Первым делом решаю поехать по адресу, указанному в бумагах, – домой к Чарли. Если не найду девушку там, то хотя бы спрошу ее мать или поищу какую-нибудь информацию, которую мы упустили прежде.

Я паркуюсь у ее дома и замечаю, что дверь в гараж закрыта. Не ясно, есть ли кто внутри. Это место уютным не назовешь – у тротуара опрокинут чей-то мусорный бак, из которого вывалилось все содержимое, а кошка пытается разодрать мешок. Когда я выхожу из машины, она убегает. Оглядываюсь и иду к двери. В округе никого не видно, соседские окна и двери тоже закрыты. Пару раз стучу,

но мне не отвечают.

Осматриваюсь в последний раз и поворачиваю ручку. Открыто. Тихо распахиваю дверь.

В письмах пару раз упоминался чердак Чарли, потому туда я и направляюсь первым делом. Чердак Чарли. Его я увижу раньше, чем саму девушку. В коридоре одна дверь открыта нараспашку. Я захожу внутрь и вижу пустую спальню. Две кровати – наверное, тут спят сестры.

Подхожу к шкафу и поднимаю взгляд к потолку, находя вход на чердак. Убираю одежду, при этом отмечая какой-то запах. Ее? Цветочный. Он кажется знакомым, но это невозможно, верно? Если я не могу вспомнить Чарли, то что уж говорить о ее аромате? Использую полки как ступеньки и забираюсь наверх.

Единственный свет поступает на чердак через окно в другой части комнаты. Этого достаточно, чтобы освещать дорогу, но я все равно достаю телефон и включаю фонарик.

Резко останавливаюсь и пялюсь на него. Откуда я знаю, как его включать? Хотел бы я, чтобы была какая-то разумная причина тому, что наша память работает так выборочно. Пытаюсь найти связь в воспоминаниях, но впустую.

Приходится согнуться – потолок слишком низкий для меня. Продолжаю брести к самодельному уютному уголку в дальней части помещения. На полу лежит груда подушек и одеял.

Она что, спит здесь?

Меня передергивает от мысли, что кто-то добровольно проводит время в таком изолированном месте. Наверное, она по жизни одиночка.

Приходится еще больше согнуться, чтобы не задеть головой стропила. Дойдя до ее уголка, я осматриваюсь. Рядом с подушкой лежит стопка книг. Некоторые из них используются в качестве подставок для рамок.

Десятки книг. Интересно, прочла ли она их или они служат лишь предметом декора? А возможно, они – ее способ сбежать от реальности. Ее можно понять, в таком-то доме...

Наклоняюсь и поднимаю одну. Обложка темная, с домом и девушкой, сливающимися воедино[1 - Речь идет о книге Таррин Фишер «Marrow»].
Мрачноватая. Не могу представить, как она сидит здесь одна и читает такие книги в темноте.

Когда кладу книгу на место, взгляд падает на кедровый сундучок у стены. Он смотрится тяжелым и старым, словно его передавали по наследству на протяжении нескольких поколений. Подхожу к нему и поднимаю крышку. Внутри несколько книг с пустыми обложками. Поднимаю верхнюю и открываю.

7 января – 15 июля 2011.

Переворачиваю страницы и понимаю, что это дневник. В коробке под ним еще минимум пять таких.

Должно быть, она любит писать.

Осматриваюсь, поднимая подушки и одеяла в поисках чего-то, куда можно положить дневники. Если я хочу найти девушку, мне нужно знать, где она часто бывает. Места, которые любит посещать, людей, с которыми общается.
Дневники – прекрасный источник информации.

Нахожу пустой изношенный рюкзак на полу и складываю в него все дневники. Начинаю копаться в вещах, встряхивать книги, пытаюсь найти хоть что-нибудь, что поможет мне. Обнаруживаю парочку писем в разных местах, стопки фотографий, разные заметки. Все, что влезает в рюкзак, я беру с собой и возвращаюсь к выходу с чердака. Знаю, что еще пара любопытных вещей должна валяться в спальне у меня дома, поэтому планирую поехать туда и осмотреть все так быстро, как только возможно.

Когда я дохожу до выхода с чердака, то первым делом кидаю рюкзак. Он громко приземляется на пол, и я вздрагиваю, понимая, что должен вести себя тише. Начинаю спускаться по полкам и пытаюсь представить Чарли, ежедневно проделывающую этот путь вверх и вниз. Должно быть, у нее несладкая жизнь,

раз она любит прятаться от мира на чердаке. Спустившись, беру рюкзак и выпрямляюсь. Закидываю его на плечо и иду к двери.

И тут же резко замираю.

Не знаю, что делать, поскольку полицейский, стучавший в окно моей машины, теперь смотрит прямо на меня.

Считается ли нарушением закона неожиданный визит в дом своей девушки?

В проходе за копом появляется женщина: ее глаза хаотично бегают из стороны в сторону, под ними размазана тушь, словно она только что проснулась, волосы спутаны, и даже с такого расстояния я чувствую сильный запах алкоголя.

– Я же говорила, что он здесь! – кричит она, тыкая в меня пальцем. – Утром я предупредила его, чтобы держался подальше от моего дома, но он все равно вернулся!

Утром? Просто отлично!

Жаль, что я не предупредил себя об этом в письме.

– Сайлас, – говорит полицейский. – Не выйдешь со мной на улицу?

Я киваю и осторожно подхожу к ним. Не похоже, чтобы я натворил что-то ужасное, раз он всего лишь просит поговорить. Сделай я что-то криминальное, мне бы тут же зачитали права.

– Он знает, что не должен здесь находиться, Грант! – продолжает вопить женщина, пятясь в сторону гостиной. – Знает, но продолжает возвращаться! Он просто пытается вывести меня из себя!

Она явно меня ненавидит. Понятия не имею почему, но мне хочется извиниться, что бы я там ей ни сделал.

– Лаура, – устало обращается полицейский. – Мне нужно поговорить с Сайласом снаружи, но вы должны успокоиться и отойти, чтобы я мог выполнить свою

работу.

Женщина делает шаг в сторону и прожигает меня взглядом.

- Тебе всегда все сходит с рук, как и твоему папаше, - шипит она.

Я отворачиваюсь, чтобы она не заметила недоумение на моем лице, и следую за офицером Грантом. К счастью, дождь прекратился. Мы продолжаем шагать, пока не останавливаемся у моей машины. Мужчина поворачивается ко мне, а я понятия не имею, смогу ли ответить на его вопросы. Надеюсь, они будут не слишком конкретными.

- Почему ты не в школе, Сайлас?

Я поджимаю губы и обдумываю слова, прежде чем ответить:

- Я, э-э... - оглядываюсь на проезжающую машину. - Ищу Чарли.

Не знаю, стоило ли это говорить. Но если бы копы не должны были знать о ее отсутствии, я бы уточнил об этом в письме. Ведь так? Но в нем было написано, что я должен найти ее любой ценой. Думаю, доложить о ее пропаже было бы разумным ходом.

- В смысле? А она почему не в школе?

Я пожимаю плечами.

- Не знаю. Она не звонила, ее сестра ничего не знает, Чарли не пришла на занятия. - Показываю рукой в сторону дома: - Ее мама, очевидно, слишком пьяна, чтобы заметить пропажу дочери, потому я решил взять дело в свои руки.

Он наклоняет голову, но скорее из любопытства, чем из беспокойства.

- Кто последним ее видел? И когда?

Я сглатываю и смущенно топчусь на месте, пытаюсь вспомнить, что было написано в письме о вчерашнем вечере.

- Я, вчера. Мы поссорились, и она отказалась ехать домой.

Офицер Грант подзывает кого-то за моей спиной. Я поворачиваюсь и вижу маму Чарли в дверном проеме. Она выходит в сад.

- Лаура, вы знаете, где ваша дочь?

Она закатывает глаза.

- Где и должна быть - в школе.

- Это не так, - перебиваю я.

Коп не сводит глаз с Лауры.

- Чарли возвращалась вчера домой?

Женщина косится на меня, затем на полицейского.

- Конечно. - Ее голос звучит неуверенно.

- Врет, - выпаливаю я.

Офицер поднимает руку, чтобы я замолчал, и обращается к маме Чарли:

- В котором часу она вернулась?

Я вижу недоумение на ее лице. Она пожимает плечами.

- Я посадила ее под арест за прогулы. Наверное, она была на чердаке.

Я закатываю глаза.

- Да ее даже дома не было! - повышаю тон. - Эта женщина определенно слишком пьяна, чтобы знать, спала ли ее дочь дома!

Она сокращает расстояние между нами и начинает бить меня кулаками в грудь.

- Убирайся с моего участка, сукин ты сын!

Грант хватается за руки и указывает мне на машину.

- В последний раз предупреждаю, Нэш. Возвращайся в школу.

Лаура пытается вырваться из его крепкой хватки, но безуспешно. Похоже, он привык к подобному; интересно, часто ли она вызывала полицию, чтобы избавиться от меня?

- Но... как же Чарли?

Почему никто больше о ней не беспокоится? Особенно мать.

- Как и сказала Лаура, она должна быть в школе. В любом случае она придет на игру. Там и поговорим.

Я киваю, но прекрасно понимаю, что не поеду в школу. Беру рюкзак с тайнами Чарли и еду домой - добывать информацию.

2. Сайлас

Я захожу в дом и замираю на месте. Ничто не вызывает у меня знакомого ощущения безопасности, даже картины на стенах. Жду пару секунд, пытаюсь привыкнуть к обстановке. Можно обыскать дом или посмотреть фотографии, но я наверняка уже это делал. Времени мало, и если я хочу разобраться, что случилось с Чарли - с нами, - нужно сосредоточиться на том, чего мы не делали раньше.

Я нахожу свою спальню и иду напрямик к шкафу – к полке со всем, что мы нашли. Вываливаю все на кровать, включая содержимое рюкзака. Копаюсь в вещах, пытаюсь понять, с чего бы начать. Их так много! Беру ручку, чтобы записывать информацию обо всем найденном. Пригодится, если я опять все забуду.

Мне многое известно о том, как развивались наши с Чарли отношения в последнее время, но на этом все. Я почти не знаю, как мы познакомились или как наши семьи начали враждовать. Понятия не имею, связано ли это как-то с тем, что с нами происходит, но начинать лучше всего с начала.

Беру одну из старых записок, адресованных Чарли, – я сам ее написал. Судя по дате, четыре года назад; она одна из многих, найденных на чердаке. Может, если я прочту что-нибудь от своего лица, то это поможет разобраться, какой я человек. Даже если это письмо четырехгодичной давности.

Сажусь на кровать, прислоняясь к изголовью, и начинаю читать:

Чарли.

Ты помнишь хоть раз, чтобы мы отдыхали поодиночке? Целый день об этом думаю. О том, что всегда еду на отдых не только с семьей. Наша компания состоит из родителей, Лэндона, Джанет и нас с тобой.

Одна большая и счастливая семья.

По-моему, все праздники мы тоже проводили вместе. Рождество, Пасху, День благодарения. Мы праздновали их либо у вас дома, либо у нас. Поэтому мне всегда казалось, что у меня есть не только младший брат, но и две сестры в придачу. Не могу представить, как жить без этого – вы стали частью моей семьи.

Но, боюсь, я все испортил. Даже не знаю, что сказать; я не хочу извиняться за то, что поцеловал тебя прошлым вечером. Понимаю, мне должно быть стыдно и нужно делать все, что в моих силах, чтобы загладить вину. Вероятно, я официально разрушил нашу дружбу, но я не жалею об этом. Мне уже давно хотелось совершить эту ошибку.

Я пытался понять, когда же мои чувства к тебе изменились, но сегодня осознал, что этого не случилось. Я все еще считаю тебя своим лучшим другом – просто это чувство эволюционировало.

Да, я ценю тебя, но теперь я еще и влюблен. Вместо того чтобы смотреть на тебя как на друга, я хочу тебя поцеловать.

И да, я любил тебя как брат сестру. А теперь люблю как парень девушку.

Так что, не считая поцелуя, клянусь, между нами ничего не поменялось. Просто переросло во что-то новое. Что-то куда лучше.

Прошлой ночью, когда ты лежала рядом со мной в кровати, заливаясь смехом и поглядывая на меня снизу вверх, я просто не мог сдержаться. У меня так часто перехватывало от тебя дыхание! Казалось, будто мое сердце ухнуло в желудок. Но вчерашний вечер был больше, чем может выдержать любой четырнадцатилетний парень. Я взял твое лицо в руки и поцеловал, о чем мечтал на протяжении целого года.

В последнее время, когда мы вместе, я слишком опьянен тобой, чтобы говорить. Я ни разу не пробовал алкоголь, но уверен: твой поцелуй сравним с состоянием опьянения. В данном случае я опасаюсь за свое здоровье, ибо твои поцелуи вызывают привыкание.

Я не получал от тебя весточки с тех пор, как ты вылезла из-под меня и ушла из спальни, и начинаю волноваться, что ты не запомнила этот поцелуй так, как я. Ты не отвечаешь ни на звонки, ни на сообщения. Я пишу тебе это письмо на случай, если тебе нужно напомнить, какие чувства ты питаешь ко мне на самом деле. У меня появилось ощущение, что ты пытаешься их забыть.

Прошу, не забывай, Чарли.

Никогда не позволяй своему упрямству убедить себя, что наш поцелуй был ошибкой.

Никогда не забывай, как приятно тебе было, когда мои губы наконец коснулись твоих.

Никогда не переставай желать, чтобы я снова тебя поцеловал.

Никогда не забывай, как ты прижалась ближе, чтобы почувствовать, как мое сердце бьется в твоей груди.

Никогда не останавливай меня в намерении поцеловать тебя в будущем, когда один из твоих смешков вызовет во мне жажду вновь стать частью тебя.

Никогда не переставай хотеть, чтобы я держал тебя, как держал прошлой ночью.

Никогда не забывай, что я подарил тебе твой первый поцелуй. Никогда не забывай, что я подарю тебе и последний.

И никогда не переставай любить меня.

Никогда не останавливайся, Чарли.

Никогда не забывай.

Сайлас

Не знаю, как долго я разглядывал письмо. Достаточно, чтобы запутаться в своих чувствах по отношению к нему. Хотя я и не знаю эту девушку, я почему-то верю каждому слову. Возможно, даже проявляю к ней симпатию. Мой пульс учащается, так как я сделал все возможное, чтобы найти ее за последние часы, а желание знать, что с ней все в порядке, становится непреодолимым.

Я беспокоюсь о ней.

Мне нужно найти ее.

Я берусь за следующее письмо, чтобы найти в нем подсказку, как вдруг телефон начинает вибрировать. Отвечаю, так и не посмотрев, кто звонит.

– Алло?

– Ты же понимаешь, что сегодня самая важная игра в твоей футбольной карьере? Какого черта тебя нет в школе?!

Голос грубый и злой.

Должно быть, это отец.

Я отвожу телефон от уха и смотрю на экран. Понятия не имею, что сказать. Нужно прочитать больше писем, чтобы понять, как нормальный Сайлас ответил бы папе. Нужно выведать больше о людях, которые знают меня как облупленного.

– Алло? – повторяю я.

– Сайлас, не понимаю, что...

– Я тебя не слышу, – говорю громче. – Алло?

Прежде чем он успевает сказать что-то еще, я обрываю звонок и роняю мобильный на кровать. Хватаю все письма и дневники, которые можно поместить в рюкзак. Мне нужно как можно скорее уйти отсюда – я не должен здесь находиться. Я не готов ни с кем общаться, а кто-нибудь может прийти.

Кто-то, типа моего отца.

3. Чарли

Где я?

Это первый вопрос. Следующий: Кто я?

Мотаю головой, будто это простое движение поможет мне вернуть мозги в рабочее состояние. Обычно люди просыпаются с пониманием, кто они такие... верно? Сердце бьется так быстро, что начинает болеть в области груди. Боюсь

принять сидячее положение, мне страшно оттого, что я могу увидеть.

Ничего не понимаю, на меня накатывает столько эмоций, я начинаю плакать. Странно не знать, кто ты такой, но при этом быть убежденным, что ты не плакса. Я так зла на себя за слезы, что резким движением вытираю их и сажусь, больно стучась головой об металлические прутья кровати. Вздрагиваю от неожиданности и потираю лоб.

Я одна. Это хорошо.

И как объяснить людям, что я понятия не имею, кто я и где? Очевидно, я в кровати. В какой-то комнате. Сложно сказать, что это за место – тут слишком темно. Окон нет. На потолке отчаянно мигает лампочка, словно пытаюсь передать сообщение азбукой Морзе. Лампа недостаточно мощная, чтобы осветить это крохотное помещение, но я могу рассмотреть пол с блестящей белой плиткой и такие же белые стены. Они совершенно голые, если не считать подвесного телевизора.

Здесь есть дверь. Я встаю и иду к ней, но в животе зарождается неприятное предчувствие. Она закрыта, она закрыта...

Закрыта.

Меня накрывает паника, но я пытаюсь взять себя в руки и дышать спокойно. С дрожью прижимаюсь к двери и осматриваю себя: на мне больничная рубашка и носки. Провожу ладонями по ногам, чтобы проверить, насколько они волосаты – не особо, – значит, я недавно брилась. У меня черные волосы. Подношу локон к лицу и изучаю его. Мне даже собственное имя неведомо. Настоящее безумие! А вдруг это я безумна? Так и есть. Боже мой! Я в психбольнице! Это единственное объяснение. Я стучу в дверь.

– Эй?!

Прижимаюсь к ней ухом и прислушиваюсь. До меня доносится тихое гудение. Генератора? Кондиционера? Это определенно какая-то техника. По телу пробегают мурашки.

Я подбегаю к кровати и забиваюсь в угол, откуда хорошо просматривается дверь. Прижимаю колени к груди и тяжело дышу. Мне страшно, но остается только ждать.

4. Сайлас

Я пробиваюсь сквозь толпу учеников в коридоре, лямка рюкзака больно впивается в плечо, и я усердно делаю вид, будто у меня есть определенная цель, но на самом деле не имею ни малейшего понятия, куда я иду и зачем. Для меня все как в первый раз: я впервые посещаю школу, впервые вижу этих людей, которые улыбаются и кивают мне, а я изо всех сил стараюсь отвечать им тем же.

Брожу по коридору, разглядывая номерки на шкафчиках, пока не наталкиваюсь на нужный. Если верить моим же записям, я уже был здесь утром. Не прошло и двух часов, как я копался в этом самом шкафчике. Очевидно, тогда мне не удалось найти ничего полезного, и вряд ли с тех пор что-нибудь изменилось.

Повернувшись лицом к шкафчику, я чувствую, как умирает последняя надежда. Видимо, часть меня все же верила, что я обнаружу здесь Чарли, которая будет смеяться над своей гениальной выходкой. Я смел надеяться, что этот кошмар закончится.

Судя по всему, я не любимец удачи.

Сначала я ввожу комбинацию на шкафчике Чарли и пытаюсь найти в нем хоть что-то, что я мог упустить из виду ранее. Внезапно чувствую, как сзади кто-то подходит. Не хочу оборачиваться и общаться с очередным незнакомцем. Делаю вид, что никого не замечаю, в надежде, что они уйдут.

– Что ищешь?

Девчачий голос. Поскольку я не знаю, как звучит голос Чарли, я поворачиваюсь, предполагая, что это она. Вместо нее обнаруживаю кого-то совершенно другого. Судя по ее виду, это Анника. Она подходит под описание подруги из письма.

«Большие глаза, кудрявые темные волосы, скучающий вид».

– Да так, не важно, – бормочу я, поворачиваясь к ней спиной. Мне так и не удалось найти какие-либо подсказки, так что я закрываю дверцу и ввожу комбинацию уже на своем шкафчике.

– Эми сказала, что Чарли не было дома, когда она заехала за ней утром. Джанет тоже не в курсе, где сестра. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Пожимаю плечами, пытаюсь незаметно прочитать код с листка.

– Нет. Мы с ней не созванивались.

Девушка молча ждет, пока я закончу копаться в шкафчике. Неожиданно в кармане звенит телефон – снова папа.

– Сайлас! – кричит кто-то, проходя мимо. Поднимаю взгляд и вижу собственное отражение, только более юное и не такое... напряженное. Лэндон. – Папа хочет, чтобы ты ему перезвонил! – сообщает он, пятясь в противоположную сторону.

Я показываю ему телефон, давая понять, что в курсе. Он смеется, качая головой, и исчезает за поворотом. Мне хочется позвать его обратно. В моей голове роится столько вопросов! Но я понимаю, насколько безумно они прозвучат.

Нажимаю кнопку «игнорировать звонок» и засовываю мобильный обратно в карман. Анника все еще ждет, и я без понятия, как от нее отделаться. У прошлого Сайласа были явные проблемы с моногамией, так что остается лишь надеяться, что она не была одной из его жертв.

Прошлый я совсем не облегчал задачу нынешнему Сайласу.

Только я начинаю говорить, что мне пора на занятия, как примечаю девушку за плечом у Анники. Мы встречаемся взглядами, и она спешно отворачивается. Судя по тому, как она пытается ускользнуть, я делаю вывод, что это Креветка, о которой упоминала Чарли в записях. Она действительно на нее похожа: розоватая кожа, светлые волосы, черные глаза-бусинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Речь идет о книге Таррин Фишер «Marrow».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kolin-guver/nikogda-nikogda-chast-2>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)